

ЗОВ ГНИЛИ

Елизавета Мальчикова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Мальчикова

Зов гнили

<https://litres.ru/74101173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бурый - один из лучших. Суровый, немногословный охотник, чья жизнь - это бесконечная погоня за тварями, что выходят из темноты.

Новое задание кажется простым: в глухой деревне на болотах бесчинствует Кикимора. Она утаскивает под воду скот, и сводит с ума стариков. И только смерть нечисти вернёт покой деревни. Но ступив на топкую землю, Бурый понимает, что столкнулся не только с озлобленным духом, но и с чьей-то расчётливой волей.

Чем глубже Бурый погружается в тайны топи, тем яснее становится страшная правда: за кровавым безумием Кикиморы стоит - та, кто сама не ведая того, овладела сердцем охотника.

Дорогие друзья! Прошу заметить, что мои книги созданы по мифам, сказкам и мифологии славянской Руси, но не по реальным фактам. Не забывайте оценить книгу и приятного чтения!

Содержание

Слепая топь.	4
Ведьма.	20
Большие тайны маленькой деревни.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елизавета Мальчикова

Зов гнили

Слепая топь.

Я распахнул глаза от удушливого запаха пригоревшей каши, ударившего в ноздри. Сон слетел мгновенно, сознание прояснилось быстро. Тело слушается, а мысли ворочаются с привычной ясностью, не замутнённые вчерашним хмельным мёдом. Я сел на лавке, свесив босые ноги на прохладный пол, и натянул порты из грубого полотна.

Глаза забегали по горнице: от закопчённого устья печи к прялке в углу, затем скользнули по тёмным половицам. В дальнем углу я заметил клубок льняной ткани. Наклонившись, я нашарил рубаху и натянул её через голову, расправляя складки.

— Встал уже? — голос за спиной заставил меня замереть.

Из-за печи вышла Вера. Она широко и любовно улыбается, глядя на меня с нежностью, и щёки её горят румянцем.

Это плохо. Очень плохо.

Я коротко кивнул, не оборачиваясь, и направился к двери. Вера стоит столбом, загораживая мне путь. Опершись плечом о косяк, она преградила дорогу.

— Куда ж ты собрался-то? — спросила она тихо.

— Сама знаешь, — бросил я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Может, хватит уже? Набегался... — в её голосе прозвучала надежда.

— Пока нечисть жива, всё остальное - тлен, — отрезал я сухо.

Её пухлое лицо потемнело, огромные голубые глаза наполнились слезами. Я не выдержал и едва коснулся кончиками пальцев её румяной щеки. — Не надо...

— А может, не надо было мне под юбку лезть? — зло выплюнула она, сбрасывая мою руку.

Я опустил ладонь. Устало вздохнул. — Ты сама была не против, Вера. А я тебе ничего не обещал.

Поток горьких слёз уже не остановить. Она всхлипнула, а я почувствовал глухую тоску. Мы молчали несколько долгих мгновений, пока она, наконец, не скрылась в глубине горницы. Я же беспрепятственно вышел во двор.

Солнечный свет ослепил лишь на секунду. Следом сокрушительный кулак обрушился на моё лицо. Голова с хрустом мотнулась в сторону.

— И тебе не хворать, Богомир, — процедил я сквозь зубы, сплевывая кровь.

Передо мной стоит здоровенный детина. Его густые чёрные брови сошлись на переносице, а широкие ноздри раздуваются так широко, что готовы втянуть весь летний воздух. Он снова занёс свой кулачище-молот для удара, но я ловко

уклонился.

— Я не хочу драться! — пятясь назад, я лихорадочно шарил глазами по земле в поисках чего-нибудь тяжёлого.

Богомир оскалился: — Так и не дерись, ляг просто. А я буду тебя бить.

Хорошо придумал, ничего не скажешь!

— Ты сестру мою обидел, вот и отвечай перед ликом Волоса! — проревел он, делая шаг вперёд.

Я вновь увернулся от его размашистого удара и краем глаза увидел деревянное ведро с парным молоком.

— Сказать по правде, я её не обижал, — крикнул я, хватая ведро. — Более того, прошлой ночью она кричала не от боли, а от удовольствия!

Богомир взревел и ринулся на меня.

Я швырнул ведро ему навстречу. — Лови!

Молоко плеснуло во все стороны. Инстинктивно вытянув обе руки, чтобы поймать снаряд, гигант на мгновение потерял равновесие. Этого мне и хватило. Я сорвался с места, одним прыжком оказался возле своего жеребца, вскочил в седло и что есть мочи погнал его в глубокую чащу леса.

Солнечный свет пробивается сквозь густые кроны вековых деревьев не единым потоком, а отдельными, ослепительными копиями. На мшистой подстилке и траве эти лучи образуют живой, постоянно меняющийся узор из света и тени. В этих ярких пятнах танцуют пылинки и мошкара, а там, куда свет не достаёт, царит прохладная, бархатная тьма.

Лес полон звуков. Где-то высоко, в зелёной гущине листы, раздаётся звонкая, переливчатая трель зяблика. Ему вторит монотонное «*ку-ку*», доносящееся издалека. Слышно мерное, усыпляющее гудение шмелей, которые деловито облетают цветы дикой малины.

Эту идиллию разорвал резкий, сухой треск сломанной ветки. Кто-то шёл по моим следам. Я зло ударил пятками по бокам коня, но не успел он сделать и десятка шагов. Путь преградила тёмная фигура - человек в глубоком капюшоне, словно выросший из-под земли.

Жеребец захрипел, вставая на дыбы с диким ржанием и, сбросив меня на траву, умчался прочь, ломая кусты.

— Вот же пекло! — выругался я, чувствуя, как горит ушибленное плечо.

Шаги незнакомца приблизились, хрустя прошлогодней листвой. Одним слитным движением я выхватил из голенища сапога клинок и вскочил на ноги, принимая низкую боевую стойку. Тело сработало само, годы тренировок взяли верх над секундной растерянностью.

Однако преследователь остановился в нескольких саженьях от меня и медленно поднял руки, показывая пустые ладони.

— Ты Бурый? — его голос ровный, без тени страха.

Я прищурился, крепче сжимая рукоять ножа. — Смотря, кто спрашивает.

— Эгор моё имя, — представился он. — Моя деревня

нуждается в твоих услугах.

— Я бесплатно не работаю, — отрезал я, не меняя стойки.

Эгор едва заметно усмехнулся уголком губ.

— На поясе у меня увесистый мешок златников. Коли сам помотришь, али разреши достать?

— Доставай, — разрешил я, не сводя с него глаз.

Он действовал нарочито медленно, чтобы не спровоцировать меня. Отвязав от пояса тяжёлый кожаный кошель, бросил его к моим ногам. Мешок глухо стукнул о землю. Я наклонился, поднял его. Вес приятно оттянул руку. Такой платы было более чем достаточно за любую работу.

— Сработаемся, — кивнул я, наконец расслабляя плечи.

— Что за нечисть беснуется в твоих краях?

Сумерки сгустились быстро, превратив лесную чащу в переплетение чёрных теней. Ночью идти было бы безумием - именно в эти часы нечисть обретала полную силу. Мы нашли укрытие в неглубоком овраге, надёжно скрытом от чужих глаз густыми, поникшими ветвями старых берёз и раскидистых сосен. Здесь и решили заночевать.

Я сижу у небольшого, но жаркого костра, наблюдая, как пламя жадно лижет сухие поленья. Эгор молчит. Я не тороплю его. За годы своей службы я выучил один простой урок: если человек хоть раз видел истинное лицо тьмы, слова застревают в горле, словно комок прелой листвы. Рассказать об этом - значит заново пережить тот ужас, услышать скрежет когтей по дереву и утробное рычание в темноте. Это бремя

каждый нёс в одиночку, пока не находил того, кому можно доверить свою ношу.

Я подбросил в огонь ещё одну ветку. Сноп искр взметнулся к небу, на мгновение осветив наши лица.

— Кикимора, — наконец нарушил Эгор тишину, сначала мы увидели следы. Огромные, нечеловеческие. Дальше-больше: она начала красть скот, по одной тушке, будто играла с нами. После, она пришла к моей сестре, издевалась над ней во сне - по ночам моя сестра блуждала по болоту, а на утро не помнила себя.

Мой голос прозвучал глухо, сливаясь с треском костра. — Почему Кикимора выбрала именно твою сестру?

— А мне почём знать? Приглянулась видно ей. — Процедил Эгор.

— Убила кого-нибудь?

Эгор устало покачал головой. — Всё к этому идёт, Бурый, я чувствую.

— Ложись, поспи, я останусь на карауле. — После минутной паузы сказал я.

— От чего такую работу выбрал ты? — Сонно спросил Эгор.

В памяти всплыла трупная рожа упыря, искажённая нечеловеческим голодом, с чёрными венами, проступающими под серой кожей. Я снова услышал влажный, утробный хруст, с которым он рвал на части плоть моей матери. Её крики... Тихий, захлёбывающийся вой, который до сих пор

всплывал у меня в ушах по ночам.

А потом - холод. Ледяная вода речного омута, которая сомкнулась над головой моего лучшего друга. Я видел его глаза в последний миг - огромные, полные ужаса и непонимания. А затем его потянули вниз, в темноту, длинные зелёно-серые руки русалки.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Много причин, — наконец произнёс я вслух. Голос прозвучал глухо и безжизненно, словно чужой.

Весь следующий день мы брели под палящим солнцем, и только к вечеру, когда тени от деревьев вытянулись на восток, впереди показалась глухая деревня Эгора.

К тому времени, как мы вышли к околице, мужики уже успели расслабиться. Откуда-то сбоку доносился гул голов и смех - несколько человек сидели у общего костра, передавая по кругу братину с медовухой. В окнах изб, затянутых бычьим пузырьём, мерцал тёплый свет лучин. От реки тянулась вереница женщин с огромными плетёными корзинами на сгибе локтя. Они негромко переговаривались, уставшие после дневных трудов. Казалось, все жили, как жили, не обращая внимание на бесовства Кикиморы, но присмотревшись, я заметил, как быстро исчезают улыбки на женских лицах, и как одна из них, замыкающая колонну слишком часто оглядывалась по сторонам.

Среди них одна фигура привлекла моё внимание больше остальных. Юная девушка с волосами цвета воронова кры-

ла. Она не спешила домой вместе со всеми, а просто удручённо плелась за женщинами. Она подняла голову и увидела нас. Тень улыбки коснулась её лица, поставив свою корзину на землю, она дождалась, пока процессия пройдёт мимо, и направилась к нам. Приблизившись, она без слов обняла Эгора, но её взгляд был прикован ко мне. Я заметил, как её тонкие пальцы неистово теребят яркий косник, вплетённый в тяжёлую косу. Эгор лишь крепче прижал сестру к себе.

— Иди домой, Дзера. Я скоро вернусь, — его голос был мягок, но не терпел возражений.

Она снова метнула в меня быстрый, настороженный взгляд, подхватила корзину и, не проронив ни слова, скрылась в сгущающихся сумерках.

— Сестра моя, — пояснил Эгор, провожая её взглядом. — К ней приходила болотная тварь.

Я кивнул.

Мы обогнули деревню по широкой дуге, чтобы не привлекать лишнего внимания, и остановились у старой, покосившейся избы на самом отшибе. Эгор трижды стукнул кулаком в массивную дверь. Спустя мгновение она со скрипом отворилась. На пороге стояла древняя старуха с ястребиным профилем и глазами, которые, казалось, видели насквозь.

— Скажи старейшине, что охотник здесь. Завтра ждём ответ, — бросил ей Эгор.

Старуха не сдвинулась с места. Она медленно оглядела меня с головы до ног, словно оценивая товар на торжище. Её

взгляд задержался на моих пустых руках.

— Чем отбиваться-то будешь, охотник? — фыркнула она, и в её голосе прозвучало нескрываемое презрение. — Гляжу, у тебя даже клинка нет.

Я усмехнулся, но внутри шевельнулась досада. Она была права: вся моя снаряга, притороченная к седлу, сгинула вместе с конём.

— Словом божьим, — ответил я, отшучиваясь.

Старуха лишь хмыкнула: — Ну да, ну да...

Эгор развернулся, и я последовал за ним прочь от избы. Но когда мы уже отошли на несколько шагов, старуха снова подала голос: — Конь-то твой какой прожорливый оказался! Столько сена у нас съел...

Я замер на секунду, а затем по моим губам скользнула усмешка. Усмешка облегчения. Живы будем - не помрём, подумал я.

Эгор любезно предложил мне лавку в своей избе, но я отказался. Ночь, проведённая под чужой крышей, сковывала бы меня. Мне нужен был запах сена и тихое фыркание. Я направился к своему другу.

Пуня встретила меня густым, терпким ароматом - запахом свежего сена, овса и сухих опилок. Я прошёл по утопанному земляному полу вглубь помещения. В самом дальнем углу, отделённый от остальных лошадей невысоким плетнём, стоял он. Мой чёрный красавец.

Он не обернулся на мои шаги, лишь мерно двигал челю-

стями, пережёвывая охапку сена. Я подошёл вплотную и положил ладонь на его горячую, блестящую в полумраке шею. Конь повёл кожей, но не проявил радости. Он просто сделал шаг в сторону, гордо игнорируя моё вторжение. — Знаю, знаю... — тихо шепнул я, убирая руку. — Не сердчай.

Взгляд упал на кучу сброшенного снаряжения, что валялось в углу на ворохе соломы. Мои походные мешки с травами, кожаные поручи и наручи, броня, не раз спасавшая мне жизнь, всё было здесь. Но не это я искал. Я опустил на колени и начал лихорадочно ворошить снаряжение. Где же оно?

Я отбросил в сторону отцовский клинок в простых ножнах, затем - меч, выкованный специально для меня, подарок князя Эдгара. Пальцы судорожно перебирали ремни и пряжки. Пусто.

Украли. Мрази.

Я поднялся с первыми петухами. Холодная вода из глиняного кувшина обожгла кожу, смывая дорожную пыль и остатки мутной дремоты. Быстро облачившись в привычную одежду и проверив снарягу, я вышел из пуни. Утренний воздух был свеж и пах дымом от растапливаемых печей.

Дом старейшины стоял на окраине деревни, на небольшом возвышении. Туда я и направился, но не успел сделать и десятка шагов, как тишину разорвал пронзительный детский визг: — Вече-е-е! Слово пролетело над крышами изб, и деревня начала оживать, словно огромный зверь, потревожен-

ный во сне. Народ скапливался тягуче, неохотно. Женщины, проходя мимо меня, тут же понижали голос до шёпота, их взгляды были полны суеверного страха и бабьего любопытства. Мужики смотрели исподлобья, тяжело и неодобрительно, сжимая кулаки. Для них я был чужаком, которого здесь не ждали.

Неожиданно я почувствовал резкий толчок в спину - кто-то нарочно ударил меня плечом. Я остановился и медленно обернулся. На меня уставились двое. Один - высокий, жилистый детина, лишь чуть ниже меня ростом. Второй - пониже, но невероятно коренастый, похожий на дубовый пень; его руки бугрились мышцами.

Высокий сплюнул мне под ноги жёлтой струёй, и повторил, ни к кому конкретно не обращаясь, но явно для всех: — Это чтоль охотник? Вырядился...

Толпа вокруг нас стала плотнее, образуя молчаливое кольцо зрителей, жаждущих зрелища, а зрелища не избежать.

— Верни то, что взял — мой голос прозвучал тихо, но от него веяло холодом.

Высокий вальяжно, вразвалку подошёл ко мне, демонстративно поднял кулак к самому моему лицу и медленно разжал пальцы. На грязной ладони блеснуло серебро. Кольцо моей матери.

— Мало тебе ещё цацок? — процедил он, обнажая гнилые зубы в кривой ухмылке.

Я опустил голову, пряча вспыхнувшую ярость за маской

ледяного спокойствия. Спокойствие - это тоже оружие.

— Каждый раз одно и то же... — я картинно покачал головой, словно имел дело с неразумными детьми. Вздохнул. — Просто отдай, что взял, и иди своей дорогой.

Его коренастый приятель заржал, издав звук, похожий на хрюканье кабана: — Гыыы А ты забери!

Это стало последней каплей. Моё тело сработало само, опередив мысль. Одно резкое, почти незаметное движение - и кольцо уже переключалось из его руки под мой кожаный наруч.

Высокому это очень не понравилось. Его лицо побагровело, а глаза налились кровью.

— Мы тебя сюда не звали! — прорычал он и сделал размашистый шаг вперёд, занося кулак для удара. Мои мышцы напряглись, тело само заняло знакомую боевую стойку.

Но драка не состоялась. Из толпы решительно вышел Эгор, а следом за ним - низенький сухой старик.

— Я его позвал, — голос старика был тихим, но обладал такой внутренней силой, что заставлял замолчать. Задиры неохотно отступили в сторону, продолжая прожигать меня злыми взглядами.

— Мы бы и сами справились! — огрызнулся коренастый, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Эгор вдруг сделал несколько быстрых, стремительных шагов и стальной хваткой вцепился в горло коренастому.

— Тварь мучает мою сестру, думаешь, я буду просто сто-

ать в стороне?! — прошипел он.

Высокий навис над Эгором, тяжело дыша ему в лицо: — Молчал бы ты, волхв, пока твоя мамаша-ведьма может спокойно гулять по лесам

— Замолчите все! — рявкнул старейшина.

В воцарившейся тишине его низкий голос прозвучал как приговор: — Совет принял решение. Охотник нанят.

— Благодарю, — сухо бросил я, разворачиваясь, чтобы уйти.

Но старик продолжил, и его слова пригвоздили меня к месту: — В сопровождение наших мужей: Андрея, — он кивнул на высокого, — Эгора и Станислава.

Гордец Андрей приосанился и двинулся ко мне с видом победителя.

«Приятно познакомиться», — саркастично подумал я, глядя на его самодовольную рожу. Но вслух сказал, чеканя каждое слово: — Я работаю один!

— Решения совета не обсуждаются, — отрезал старейшина, вздев руку к небу. — Да хранит вас великий Перун!

В нос ударил гнилостный, сладковатый запах - смесь застоявшегося ила, мокрой травы и прелого мха. Над болотом, словно вестник беды, каркнула ворона и, тяжело взмахнув крыльями, взметнулась к свинцовому небу.

Я шёл медленно, прощупывая каждый шаг. Эгор держался чуть поодаль, за моей спиной сопели те двое. Я слышал их тяжёлое дыхание и раздражённое ворчание. Внезапно сзади

раздался громкий треск сухой ветки. Я резко обернулся.

— Надо отлить, — развязывая порты, заявил Андрей и шагнул в сторону от едва заметной тропы.

Его нога с мягким, чавкающим звуком провалилась в бездну. В первый миг он, кажется, не понял, что произошло. Но уже через секунду трясина жадно засосала его по колено.

— Замри, — спокойно сказал я, но он не послушал.

Он истошно заорал и начал барахтаться, пытаясь выбраться. Это была его огромная ошибка. Чем сильнее он дёргался, тем быстрее его засасывало. Болото заглатывало его ногу всё глубже и глубже.

— Да замри же ты! — рявкнул я, медленно приближаясь к краю топи и выставив руку назад, чтобы остановить остальных. — Всем стоять на месте!

Андрей тонул быстро и неотвратимо. Он бился, как пойманная в сеть птица, лишь ускоряя свой конец. Я быстро оценил обстановку, глазами выискивая более-менее твёрдые кочки. Скинув с себя снарягу, чтобы не утянуло следом, я ступил на мокрый, пружинящий мох.

Дотянувшись до ножен, я выхватил меч, и ударил Андрея рукоятью со всей силы по затылку. Он обмяк, и его тело перестало бороться с трясинной, но всё равно продолжало медленно погружаться. У нас было всего несколько мгновений.

Я вцепился в его подмышки. Трясина сопротивлялась, не желая отдавать свою добычу.

— Никаких резких движений. Я вытащу тебя, понял? —

прохрипел я.

— Угу... — лихорадочно закивал он, приходя в себя.

— Эгор! Найди длинную, не обветшалую палку! Брось ему и тяни на себя! Но не подходи ближе! — Понял! — Эгор метнулся к сухому дереву и с треском отломил толстую ветвь.

Я тянул Андрея на себя из последних сил, чувствуя, как болото сопротивляется каждому моему движению. Эгор бросил палку.

— Хватайся и подтягивайся! — крикнул он, поняв мой план.

Андрей ухватился за неё мёртвой хваткой.

Совместным рывком мы потянули. Показался живот Андрея. Ещё одно невероятное усилие... Рывок! Я увидел его ноги.

— Только не барахтай ногами! — выдохнул я.

Последним резким усилием я выдернул его из вязких объятий трясины и оттащил на твёрдую землю. Эгор упал на траву рядом с нами. Я и сам рухнул на мокрую кочку, тяжело дыша.

— Отныне... слушай меня... — с трудом выдавил я из себя между вдохами.

Внезапно всё изменилось. Воздух стал густым и тяжёлым. Илистая вода на болоте пошла мелкой рябью без всякого ветра. Высокая трава будто застыла в неестественных позах. Карканье ворон резко оборвалось, уступив место оглушаю-

щей тишине.

А затем тишину разорвал пронзительный, сводящий с ума женский голос. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно: — Давно я тебя не видела... волхв. Какого красивого охотника ты мне привёл...

Ведьма.

Отродье двигалось неестественно, нарочито медленно, покачивая бёдрами в издевательской пародии на женскую походку. Её тёмные, бездонные глаза, в которых не было ни зрачков, ни белка, скользнули по каждому из нас и остановились на мне. Она приблизилась вплотную, и я ощутил могильный холод, когда её бледная, почти прозрачная рука коснулась моей щеки.

Я резко перехватил её запястье. Другая рука метнулась к рубаше, нащупывая привычный кожаный чехол на поясе, но пальцы схватили лишь пустоту. С глухой досадой я вспомнил, что скинул всю снарягу, чтобы спасти Андрея, а там мерно покоился шприц с ядом Болиголова.

Тварь лишь растянула бескровные губы в кровожадной улыбке.

— Не играй с нами, — голос Эгора прозвучал глухо, но твёрдо. Он стремительно шагнул вперёд, вклиниваясь между мной и ведьмой.

Чёрный, нечеловеческий взгляд упёрся в волхва. — Эгор, мальчик мой... — прошипело отродье почти ласково, но он резко перебил её.

— Я не твой. Уходи. Мы здесь не за тобой.

— Ты всегда будешь моим... сыном, — прошелестел голос, и фигура ведьмы подёрнулась рябью, как отражение в

воде от брошенного камня. Мгновение — и она исчезла так же стремительно, как и появилась.

Я разжал пальцы, отпуская невидимое запястье. Сплюнул на землю горькую слюну и молча кинулся собирать разбросанное снаряжение. — Как-то вы забыли меня предупредить, что по болоту ещё и ведьма разгуливает, — процедил я сквозь зубы, обращаясь к Эгору.

— Она не причастна, — ответил он слишком быстро, даже не пытаясь скрыть напряжение в голосе.

Я наспех натянул кожаную броню, закрепил наручи и подхватил меч. Обогнув застывших в оцепенении мужиков, я бросил через плечо: — Ведьмы всегда причастны.

Эгор не шелохнулся. Он лишь бросил мне вслед тяжёлые слова: — Я заплатил тебе, охотник. Перед ликом Перуна ты взял монету. А значит, за тобой долг.

Круто развернувшись на пятках, я в два шага настиг его. Моё лицо оказалось в пяди от его. — Про долги вспомнил? — прорычал я. — А у тебя какой долг перед этой ведьмой? Долг сына? Поэтому ты до сих пор не убил её?

Это было не обвинение. Это был факт. Я видел это в его глазах — смесь вины и упрямой веры в свою правоту.

— Это не твоё дело, охотник. Ты здесь в поисках болотной твари.

Я схватил его за грудки, чувствуя, как напряглись мышцы под рубахой. Но тут же отпустил. Я увидел в его глазах не ложь, а пугающую искренность. Он действительно верил в

то, что говорил. Андрей и Станислав за его спиной напряглись, готовые вмешаться.

Я понизил голос до отеческого шёпота, будто говорил с упрямым ребёнком: — Пойми, Эгор... Когда нечисть начинает бесноваться, она действует либо заключив выгодную сделку... либо увидев чью-то лакомую душу. В вашем случае... — я втянул носом сырой воздух болота, — чувствую, что задействованы оба варианта.

Эгор встретил мой взгляд своим упрямым взглядом и повторил: — Просто найди болотную тварь, охотник.

Он развернулся и пошёл вглубь леса. Его свита двинулась за ним, оставляя меня стоять на краю трясины.

Поняв, что бесполезно объяснять что-либо, я двинулся следом. Сгустились могильные сумерки, дальше идти было опасно. Высмотрев уединенное место, закрытое ветвями деревьев, я сел на траву, устало опершись о берёзу.

— Здесь заночуем.

Я резко проснулся и поднял сонные глаза к небу.

Луна с трудом пробивается сквозь низкие, лохматые кроны кривых деревьев, а в густом тумане, который стелется по земле плотным, молочным ковром, всё кажется нереальным.

Всматриваясь в пустоту, между веток деревьев, до меня доносятся звуки, которые живут своей, чуждой человеку жизнью. Тишина здесь наполнена тысячей тихих шорохов. Вот с сухим треском сломалась ветка под чьей-то осторожной лапой. Вот где-то вдалеке раздался протяжный, скрипу-

чий крик выпи - звук, похожий на стон умирающего. Слышится постоянное, монотонное жужжание комариного роя, который чувствует себя здесь полноправным хозяином.

Я тихо встал, и сделал несколько шагов вперёд, на всасывающий звук трясины. В нос ударил плотный и тяжёлый воздух, который не даёт дышать полной грудью. Он пропитан гнилостным, сладковатым запахом разложения, сырой земли и застоявшейся воды. Сорвав толстую ветку, я опустил её туда, где только что раздался чавкающий звук. Кончик ветки скрылся в илистой воде и упёрся во что-то твёрдое. С трудом я подтянул предмет к берегу, похожий в темноте на маленький свёрток. Положив палку, двумя пальцами я подтянул его к себе и перевернул. Глаза расширились от ужаса, потому что это оказался, завёрнутый в льняную простынку, совсем крохотный младенец.

К горлу подступил горький ком, но я отбросил простыню: кожа на стопах и кистях малыша уже набухла и начала отслаиваться, а его маленькие ручки были вытянуты перед собой, будто он безмолвно звал свою маму.

Дело плохо, уже начала красть детей.

Я завернул находку обратно в лён, положил на землю и пошёл обратно в лагерь.

Я тронул Эгора за плечо, и он мгновенно проснулся, словно и не спал. Над верхушками кривых сосен уже проступали первые, ещё холодные предрассветные лучи.

— Идём, — полушёпотом сказал я.

Я привёл его к краю болота. Опустившись на корточки, я медленно развернул грубую ткань. Эгор подошёл ближе, заглянул через моё плечо и тут же отшатнулся. Он закрыл лицо ладонью, словно пытаюсь стереть увиденное, и глухо выдал из себя: — Святой Волос...

Я поднял на него тяжёлый взгляд. — Почему она так обозлилась именно сейчас? Или она всегда так бесновалась?

— Не всегда, — коротко ответил волхв, не глядя на останки.

— Почему сейчас? — Я продолжал давить, чувствуя, что правда где-то рядом.

— Откуда я знаю! — внезапно взорвался он, зло сверкнув глазами. — Я не знаю!

Моё чутьё, отточенное сотнями охот, кричало об одном: ведьма и болотная тварь связаны неразрывно.

Я медленно кивнул, принимая его ложь. Затем поднялся на ноги и посмотрел ему прямо в глаза. — Ты вернёшься в деревню со своей свитой. Отдашь тело несчастной матери. А дальше... я сам.

— Но старейшина... — начал было он, но я резко перебил: — Сам. Ты нужен своей сестре. Иди.

Я не оставил ему выбора. Развернувшись, я шагнул вглубь чащи.

Полуденное солнце пыталось пробиться меж деревьев. Я опустился на траву, и достал из холщового мешочка две палочки вяленого мяса.

В таких делах не бывает простых совпадений, ведь ведьма и кикимора, как две стороны одной гнилой монеты. Но какая между ними связь?

Вариантов было два, и оба мне не нравились.

Первый: ведьма могла заключить с тварью сделку. Она кормит её, даёт ей души или плоть, а взамен получает силу, защиту болота или возможность творить своё колдовство без помех. А Эгор просто скрыл это! Не хотел, чтобы кто-то убил ведьму... Его мать?

Второй вариант был куда хуже. Гораздо хуже. Что, если ведьма и *есть* тварь? Не в том смысле, что она превращается в неё при полной луне, нет. Это было бы слишком просто. Я повидал достаточно, чтобы знать: высшая нечисть может существовать в разных формах одновременно. Дух ведьмы мог быть древним и настолько сильным, что он раздвоился. Одна его часть — прекрасная (или ужасная) женщина, что ходит по краю топи. Другая — слепая, голодная ярость самой трясины, её первобытный страх. Они — одно целое.

Эта мысль объясняла всё: её власть над болотом, её интерес к Эгору и её слова. «*Ты всегда будешь моим сыном*». Она видела в нём... Тёмный потенциал? Может, она хотела сделать его своей правой рукой? Своим приемником?

Я поднялся на ноги и скрутил пустой мешок. Неважно. Для меня это ничего не меняет.

Воздух начал сгущаться, становясь плотным и вязким, как смола. Я ждал этого. Мышцы напряглись в предвкушении

атаки. Холодная сталь меча привычно легла в ладонь, тускло блеснув на лучах солнца.

Но она ударила по сознанию - ледяная, давящая волна чужой воли, желающей перемолоть мои мысли в пыль, подчинить себе каждый мускул. На мгновение дыхание перехватило, но я лишь нервно хрустнул шеей, сбрасывая оцепенение. Не выйдет.

Из темноты подлеска, словно соткавшись из тумана, вышла она. Полностью нагая, моя мать. Её фигура была идеальна, пугающе прекрасна, а голос прозвучал мягко и тепло, как в далёком детстве: — Пришлось даже разбудить моих детей, чтобы познакомить с тобой... мальчик мой.

За её спиной, копошась и вереща, хлынула тёмная волна существ. Они были не больше кулака, с заострёнными головами, а их ноги... Ноги были конскими, жилистыми и быстрыми. Они облепили меня мгновенно, словно рой разъярённой мошкары, кусаясь и царапаясь. Потеряв равновесие от внезапного напора, я грузно рухнул на землю.

Один из них, самый дерзкий, шустро перебирая копытцами, вскарабкался мне на грудь. Он встал во весь свой крошечный рост, нависнув над моим лицом, и выставил перед глазами калёный железный крюк.

Я зарычал от ярости и омерзения. Скидывая маленьких засранцев ударами свободной руки, я рубил их мечом, не разбирая, где кончается один и начинается другой. Казалось, они плодятся прямо из воздуха, лезут из-под земли, из гни-

лого мха.

Тот, что вскарабкался мне на грудь, наконец применил своё оружие. Горячий металл обжёг кожу на щеке, впиваясь глубоко в плоть. Я хватанул ртом воздух, выгнулся дугой от пронзительной боли и скорчился на земле, чувствуя, как тёплая кровь струится по лицу.

Собрав последние силы, я перекатился на бок, придавив нескольких тварей своим весом, и поднялся на одно колено. Мой взгляд был устремлён на неё. Она стояла гордо, выпятив грудь, белые волосы благородно струились по телу, но я видел лишь хищный оскал.

— Не смей, — процедил я сквозь стиснутые зубы, сплевывая ей под ноги. — Даже и секунды находиться в её облиции.

Боль стала топливом для моей ненависти. Я сжал рукоять меча так, что побелели костяшки, и приготовился к броску.

Внезапно всё моё тело сковала невыносимая и ослепляющая судорога. Я не мог пошевелить и пальцем, лишь теснее сжав зубы.

Она не произнесла ни слова. Просто выставила вперёд руку, и её бледная ладонь медленно поползла вверх. В тот же миг невидимая, ледяная сила подхватила меня. Моё тело, против воли, оторвалось от земли и зависло в воздухе.

Ведьма подошла вплотную. Её облик дрогнул, поплыл, как горячий воск. Острые, хищные черты смягчились, налились обманчивой нежностью. Волосы из белых превратились в тяжёлую медную волну.

Мёртвая душа в прекрасном сосуде.

Её губы коснулись моих. Это был не поцелуй, а казнь. В тот же миг горло сдавило невидимой удавкой. Я начал задыхаться. Воздух застрял в лёгких, а вместо него по венам потёк могильный холод. Её холодные губы высасывали из меня саму жизнь, тепло и волю к сопротивлению.

Судорога, сковывавшая моё тело, на долю секунды ослабла. И в эту секунду я понял: пока она питается, пока её воля сосредоточена на мне, её магическая хватка слабеет.

«Сейчас!»

Резким, отчаянным движением я выхватил из кармана на броне стальной шприц с мутной жидкостью. Игла вошла в её плоть почти без сопротивления. Я вдавил поршень до упора, впрыскивая яд Болиголова прямо ей в шею.

Ведьма отпрянула с пронзительным визгом, который не имел ничего общего с человеческим голосом. Невидимые пути лопнули. Я рухнул на землю, больно ударившись коленями о кочку.

Она стояла напротив меня, и её глаза сузились в две горящие щёлки ярости и боли. А затем, не говоря ни слова, её тело начало таять, растворяясь в лучах солнца, и через мгновение от неё не осталось и следа, лишь лёгкая рябь пробежала по чёрной воде болота.

Я остался посреди леса, стоя на коленях в грязи, жадно глотая ртом сырой воздух и чувствуя на себе хищные взгляды детей отродья.

Тьма зашевелилась, маленькие уродливые тела потекли одно к другому, сливаясь в единую, пульсирующую массу. Плоть соединялась с плотью, кости трескали, принимая новую форму. И из этого чёрного кома родился волк. Огромный, сотканный из живой ночи, без единого проблеска света в густой шерсти. Его глаза горели двумя тусклыми красными огоньками.

Я поднялся на ноги, чувствуя, как кровь стучит в висках. Меч привычно лёг в ладонь. Я не стал ждать. Я напал первым.

Серебряная огранка клинка коснулась морды чудовища. Раздалось мерзкое шипение, словно жир на раскалённой сковороде, и повалил едкий пар. Рана вспыхнула мертвенным светом... и тут же затянулась, не оставив и следа.

Волк отреагировал мгновенно. Он рухнул на меня всем весом своего навьего тела. Удар был подобен падению каменной глыбы. Меня сбilo с ног, воздух вылетел из лёгких. В следующую секунду мир сузился до дикой, ослепляющей боли в левом предплечье. Клыки пронзили плоть и с силой сомкнулись. Я услышал хруст собственных костей и закричал, но крик застрял в горле.

Монстр мотнул головой, пытаясь оторвать мне руку. Боль была запредельной, она выжигала сознание. Сквозь алую пелену я видел, как моя собственная кровь брызжет на траву. Собрав остатки воли, я ударил снова. Меч вошёл глубоко в бок твари по самую рукоять. Но волк лишь крепче сжал че-

люсти.

«Давай же!» Сжав зубы так, что они едва не раскрошились, я надавил на меч что есть мочи. Лезвие пошло глубже, вспарывая нечистую сущность. Наконец, хватка ослабла. Клыки разжались со скрежещущим звуком.

Чудовище издало беззвучный вой, который отозвался болью уже не в руке, а прямо в черепе. А затем оно начало растворяться, превращаясь в чёрную, маслянистую жижу, которая впитывалась в сырую землю, будто его никогда и не существовало. Лишь глубокие рваные раны на моей руке и запах палёной плоти напоминали о его существовании.

Большие тайны маленькой деревни.

В глазах помутнело, и сознание обволокло удушливой, чёрной дымкой. Я попытался встать, но лишь сильнее закружилась голова, и мир поплыл, грозясь опрокинуться. Сквозь гул в ушах, откуда-то из бесконечной дали, до меня донеслось одно-единственное слово, брошенное с хрипом: — Живой?..

Ясность возвращалась мучительно медленно. Я выныривал из вязкой темноты лишь на короткие мгновения, хватая ртом воздух, а затем снова погружался в бездну, где не существовало ни лиц, ни времени, ни голосов.

Внезапно пелена спала. Я резко открыл глаза, и мир обрёл пугающую, кристальную чёткость. Я лежал на жёсткой лавке в чужой горнице. Ладонь сама собой опустилась на левое предплечье. Рука была искусно перевязана чистой, яркой корпией. Боль осталась, но она была глухой, терпимой.

В ложницу тихо вошла Дзера. В руках она держала глиняную миску, от которой поднимался пар и исходил густой, сытный аромат каши.

— Сколько я спал? — мой голос прозвучал чужим, хриплым карканьем.

— Несколько часов, — тихо ответила она. Девушка села

рядом на край лавки и поставила миску на сундук.

Её хрупкая ладонь, прохладная и нежная, коснулась моего лба. Она задержалась там всего на несколько секунд, проверяя жар, но это прикосновение отозвалось глубоко в моей истерзанной душе. А затем её рука опустилась на ткань фартука. И отчего-то мне до боли в груди захотелось вернуть это мимолётное, успокаивающее касание.

— Поешь. Потом я осмотрю рану, — сказала она, намеренно не поднимая глаз с моих рук и избегая взгляда на мою обнажённую грудь.

Вопрос жёг меня изнутри. — Твоя мать она — начал я, собирая слова в кучу.

Дзера резко остановила меня. Она не закричала, не отстранилась. Её голос был тихим, как шелест осенних листьев, но в нём звенела сталь: — Не надо.

— Дзера, послушай — я попытался приподняться на локте, но она уже встала.

Девушка направилась к выходу быстрыми, лёгкими шагами. В дверном проёме она задержалась лишь на секунду. Обернувшись, она посмотрела на меня с холодной решимостью. — Уходи, — сказала она, и это было далеко не совет.

Но я не уйду. Это стало делом чести.

Ранним утром, когда туман ещё цеплялся за верхушки сосен, я отправился на поиски ответов. Выйдя из избы, вдаль, у кромки леса, я разглядел хрупкую фигуру Дзеры. Она шла со стороны чащи — чёрные волосы растрёпаны ветром, а по-

дол и края кафтана в грязи.

Она решительно двигалась к своей избе, но я преградил ей путь, бесшумно ступив из тени. — Куда путь держишь, красавица? — мой голос прозвучал глухо, я схватил её за запястье. Под её ногтями блеснула свежая кровь.

Она резко обернулась, словно её ударили. Взгляд карих глаз вспыхнул гневом. Оскалившись, она вырвала свою руку из моей хватки. — Не твоё дело! — выплюнула она.

Я обогнал её одним шагом, снова встав между ней и дверью её дома. — Что здесь творится, Дзера? — напирал я, чувствуя, что правда где-то рядом, скрытая за стеной её страха.

— Уходи, — повторила она устало, глядя мне прямо в глаза. — Деревня больше не нуждается в твоих услугах.

— С чего бы? — усмехнулся я, но улыбка вышла кривой. — Кикимора нашлась вдруг? А может, и вовсе никакой болотной твари нет?

— Упрямый, — тяжело вздохнула она.

Её взгляд скользнул по моему лицу, застыл в нерешительности. Я видел борьбу в её глазах: желание довериться и смертельный страх перед тем, кому нельзя доверять, или... это борьба с самой собой?

Я подошёл вплотную, так что мог чувствовать тепло её тела, и прошептал: — Ты должна мне всё рассказать. Обещаю, я защищу тебя.

Она горько покачала головой, и крупная слеза скатилась

по её щеке, оставляя чистую дорожку на испачканной грязью коже. — Никто не сможет защитить меня... от...

Внезапно она сделала то, чего я никак не ожидал. Она подалась вперёд и коснулась моих губ своими. Поцелуй был нежным, почти робким, полным горечи и отчаяния. Моя рука невольно зарылась в её пушистые, пахнущие лесом волосы. Но этот запах... он изменился. Под ароматом диких трав пробивалась тяжёлая, сладковатая нота - запах стоячей воды и гниющего ила.

Я резко отстранился. Она тут же качнулась ко мне, ища продолжения, но я мягко, но непреклонно упёрся ладонью в её плечо, удерживая на расстоянии.

Дзера замерла. Несколько мгновений она смотрела на меня с обидой, а затем в её карих глазах блеснул странный, нечеловеческий огонёк.

— Разве ты не этого хотел, охотник? — выдохнула она, и уголки её губ поползли вверх в хищной усмешке.

Но маска спала так же быстро, как и появилась. Она осеклась, осознав, что выдала себя. Резко развернувшись на пятках, она зашагала прочь, обратно в глубины чащи, не оборачиваясь, оставив меня стоять посреди улицы с привкусом тины на губах и холодным ужасом в сердце.

Кажется, я всё понял...

Стремительно, не разбирая дороги, я двинулся к дому старейшины. Обогнув деревню по дуге, чтобы не встречаться с её обитателями, я подошёл к массивной двери и с силой

толкнул её. Она поддалась с протяжным скрипом.

В избе стояла абсолютная, звенящая тишина. Густая и неестественная, она давила на уши. Я переступил порог, и моя рука сама легла на рукоять меча, наполовину вытянув клинок из ножен. В нос тут же ударил запах. Тот самый запах - металлическо-сладковатый, густой и тяжёлый. Запах свежей, только что пролитой крови. Его ни с чем не перепутаешь.

Я сделал ещё два осторожных шага вперёд, и мои сапоги коснулись чего-то липкого. В центре горницы, раскинув руки, на деревянном полу лежало тело старейшины. Его седая борода слиплась от крови, а на месте горла зияла чудовищная рваная рана. Он был истерзан, словно дикий зверь рвал его на части. Жизнь уже покинула это тело, оставив лишь пустую оболочку в быстро остывающей луже.

Я резко обернулся на шорох за спиной. Из темноты дальнего угла на меня надвигалась тень. Это был Эгор. Его бледное лицо перекошено в жуткой гримасе, в которой смешались первобытный страх и дикая, неконтролируемая ярость. В руках он сжимал клинок, и костяшки его пальцев побелели от напряжения.

Он не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.